

Сидоренко Леонид Владимирович

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК ЕЁ ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Статья посвящена финансово-экономическим последствиям переломного события британской истории - Славной революции. Автор рассматривает основные преобразования финансово-экономической сферы страны (такие как перераспределение финансовой ответственности в пользу парламента, становление системы долгосрочного кредитования, организацию банка Англии, корпоративную политику, отношения с Нидерландами, реформу монетной системы), также известные в англоязычной историографии как финансовая революция. В качестве хронологических рамок статьи выступает первое послереволюционное десятилетие (1688-1698 гг.). На основе исследуемой динамики автор приходит к выводу об определяющей роли именно финансово-экономических итогов Славной революции в последующей политической и военной истории Англии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 181-185. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Изд-е 3-е, доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
9. Паркер И. Славой Жижек: критическое введение. Ижевск: ERGO, 2010. 220 с.
10. Перельмутер В. Комментарии к собранию сочинений С. Кржижановского // Кржижановский С. Собрание сочинений: в 5-ти т. СПб.: Симпозиум, 2001. Т. 1. С. 652-686.
11. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 512 с.
12. Рудакова И. А. Дидактика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 256 с.
13. Слободчиков В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе: учебное пособие для вузов. М.: Школьная пресса, 2000. 416 с.
14. Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. и вступ. ст. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 439 с.
15. Vaihinger H. Philosophie des Als Ob. Berlin, 1911. 140 S.

INTERDISCIPLINARY RESEARCHES OF PHILOSOPHICAL TEXT WITHIN SENSE DIDACTICS FRAMEWORK

Yuliya Vadimovna Serebryakova, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Department of Philosophy
Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov
Julia_srebro@mail.ru

The author considers the possibilities of sense didactics for the research of original texts in philosophy course, by the material of the analysis of the story "Jacobi and «allegedly»" by S. Krzhizhanovskii shows the methodical algorithm for the detection of interdisciplinary connections between philology, philosophy and theology, and tells that the innovation of her research result is in sense didactics practical application for the formation of students' general cultural competence.

Key words and phrases: sense didactics; general cultural competence; interdisciplinary researches; philosophical text; hermeneutics; dialogue.

УДК 94(420).06

Исторические науки и археология

Статья посвящена финансово-экономическим последствиям переломного события британской истории – Славной революции. Автор рассматривает основные преобразования финансово-экономической сферы страны (такие как перераспределение финансовой ответственности в пользу парламента, становление системы долгосрочного кредитования, организацию банка Англии, корпоративную политику, отношения с Нидерландами, реформу монетной системы), также известные в англоязычной историографии как финансовая революция. В качестве хронологических рамок статьи выступает первое послереволюционное десятилетие (1688-1698 гг.). На основе исследуемой динамики автор приходит к выводу об определяющей роли именно финансово-экономических итогов Славной революции в последующей политической и военной истории Англии.

Ключевые слова и фразы: Славная революция; финансовая революция; монархия; парламент; Вильгельм Оранский; кредит; государственный долг.

Леонид Владимирович Сидоренко, к.и.н.
Кафедра истории нового и новейшего времени
Санкт-Петербургский государственный университет
slv83@yandex.ru

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК ЕЁ ОСНОВНЫЕ ИТОГИ[©]

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по соглашению, заключенному с Министерством образования и науки РФ по заявке № 2012-1.5-12-000-3001-005 «Проблемы идентичности в истории стран Европы и Америки в эпоху Нового и новейшего времени», мероприятия 1.5 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Славная революция 1688-1689 гг. в Англии, как и любое переломное историческое событие, отличалась разнообразием последствий, проявившихся равным образом в политической, социально-экономической и культурной жизни страны. Однако развитие исторической науки не всегда сопровождалось изучением всего спектра проблем, что привело к односторонним подходам в исследовании Славной революции. Это выразилось в акцентировании только политических и конституционных итогов этого события, что особенно заметно

в отечественной историографии [1; 2]. В связи с этим цель данной статьи заключается в кратком анализе финансово-экономических итогов Славной революции, также известных в англоязычной историографии как «финансовая революция». Под этим термином понимают бурные изменения 1688-1720-х гг. в финансовой системе страны, приведшие к формированию эффективно функционировавших механизмов государственного кредита, налогообложения и государственного долга, позволивших преодолеть денежные затруднения, связанные с активным участием королевства в многочисленных военных конфликтах 1688-1815 гг. [16, p. 257-258].

Традиционно основным итогом Славной революции принимается тезис об уменьшении роли монархии в связи с ростом влияния парламента, ставшего действительно постоянным политическим органом. Однако для понимания перераспределения функций между двумя ветвями власти необходимо рассмотреть финансово-экономическое развитие королевства после 1688 г. Дело в том, что завоеванные политические права подданных и парламента, в том числе прописанные в важнейшем документе революции – «Билле о правах», должны видаться ключевым элементом защиты от нарушений короной и её представителями, прежде всего, экономических свобод [15, p. 816]. Для подтверждения этого положения нужно обратиться к истории заимствования денег английским государством до и после событий 1688-1689 гг.

До Славной революции единственной гарантией того, что взятые в долг государством деньги будут выплачены вовремя, если вообще возвращены, служила юридически неопределённая защита королевского слова. Это являлось следствием конституционного статуса государственных финансов, по которому правительственный кредит считался, прежде всего, кредитом короля [14, p. 83-84]. Неудивительно, что до 1688-1689 гг. платежи по займам были предметом недобросовестных манипуляций короны: изменение сроков выплат и задержка платежей процентов являлись обычным делом. Корона часто не выполняла принятые условия кредитования, что особенно заметно в правление Якова I и Карла I [15, p. 819-820]. Но по итогам Славной революции государственные финансы перестали считаться королевской прерогативой. Отныне большинство доходов не передавалось монарху пожизненно, а вотивалось парламентом на ограниченный срок: год или несколько лет. Внедряя эту схему, парламентарии исходили из формулы: «Если принц не нуждается в деньгах, он не нуждается в нас». Без гарантированного пожизненного дохода Вильгельм Оранский и Мария вынуждены были обращаться к парламенту за деньгами. Для них ситуация осложнялась и наличием оставшегося от Якова II королевского долга, одно обслуживание которого требовало около 200000 ф. ст. ежегодно [3, p. 20-21]. Ответственность за правительственные финансы вверялась парламенту, что открыло новые возможности для государственной системы кредитования, так как парламентская гарантия представлялась кредиторам более безопасной [14, p. 104]. В итоге правительственный долг был трансформирован из королевского в национальный, ответственность за который разделили корона и парламент [18, p. 596]. Но последний получал центральную роль в финансовых делах. Его исключительное право утверждать налоги было закреплено и не подвергалось сомнению, а независимые от палаты общин источники королевских доходов ограничивались. Теперь для успеха короне требовалось установить нормальные отношения с парламентом, получившим и неизвестное ранее право проверки расходования правительством своих фондов [15, p. 816].

Рассмотренное выше перераспределение финансовой ответственности не стоит понимать абстрактно: в послереволюционные годы нужда государства в деньгах резко возросла из-за активной континентальной политики Вильгельма Оранского. Его европейские войны требовали введения новых налогов, а те означали необходимость созыва парламентов. Именно из-за этого Яков II в своё время не хотел воевать с Францией, планируя использовать армию лишь внутри страны [19, p. 5]. В связи с возросшими военными нуждами пришлось начать разрабатывать новые схемы привлечения больших денежных ресурсов под парламентские гарантии. Основная инновация заключалась в отказе от привычных краткосрочных заимствований под высокие проценты. К 1693-1694 гг. доверие к ним упало настолько, что правительству стало трудно брать деньги в долг, а морскому ведомству даже невозможно найти подрядчиков. В итоге была внедрена практика введения новых налогов (предпочтение было отдано акцизам) под обеспечение процентов долгосрочных займов. Первый такой заём в 1 млн ф. ст. был осуществлён в 1693 г., и он дополнялся проведением лотереи на такую же сумму, но полученных денег хватило лишь на год [12, p. 943; 19, p. 132-133].

Здесь интересно отметить, что в 1690-х гг. многие предложения исходили из общества, а не разрабатывались в казначействе, и задача его чиновников заключалась в отсеивании большого числа предложений и выборе, с их точки зрения, самых многообещающих. Наибольшим доверием в этом вопросе пользовался Чарльз Монтегю – как канцлер казначейства он был его главным оратором в палате общин и отвечал за законодательство и принятие разных схем [9, p. 232]. Именно ему принадлежали все хлопоты по организации этих кредитов и банка Англии. В силу того, что правительству ещё не раз пришлось бы прибегать к заимствованиям, для их облегчения было принято решение предложить кредиторам новый финансовый орган – Банк Англии. Это учреждение не опиралось на старые прецеденты и заранее разработанные планы. Фактически оно являлось предприятием, вызванным необходимостью правительства как можно скорее получить деньги. Свой первый заём в 1,2 млн ф. ст. банк осуществил под 8% годовых. Банку также было позволено вести все банковские операции, при этом он не становился монополистом в своей сфере [8, p. 170]. В будущем банк Англии стал главным сокровищем английской короны: её самым большим кредитором, главным банкиром и распорядителем государственного долга. Именно эти финансовые приёмы привели к появлению в историографии термина «финансовая революция» [5, p. 326].

Однако в период своей организации банк столкнулся с серьёзной оппозицией. В утверждение новой финансовой системы вмешались межпартийная борьба и столкновение социально-политических групп. Против банка выступили тори, считавшие, что через него оплачивается новый революционный порядок вигов. Отрицательное мнение высказали и крайние виги, боявшиеся, что банк может способствовать трансформации новой

монархии в абсолютную, что привело к введению законодательного ограничения на передачу банком денег королю без согласия парламента. Неполитическая оппозиция базировалась на страхе за монополизацию рынка финансов. Сказалось и противостояние землевладельцев и финансистов [8, р. 170-171]. Так называемые сельские джентльмены, обычно настроенные проторийски, мечтали о банке, менее ориентированном на Лондон. Среди них были мелкие землевладельцы, считавшие основной земельный налог непосильным бременем. Из-за этого уже с 1695 г. в парламенте началась борьба за альтернативный банк. Несмотря на поддержку палаты общин, Национальный Земельный банк парламента потерпел полное фиаско [20, р. 697, 712]. Оказалось, что лучшей альтернативы банку Англии не найти, хотя за ним и последовало создание многих других лондонских банков [15, р. 826].

Рассмотренные опасения сельских джентльменов отражали одну важную тенденцию – превращение Лондона в настоящий ведущий центр королевства, что также можно рассматривать как результат событий 1688-1689 гг. В самом деле, основные институты, поддержавшие Славную и финансовую революции, располагались в Лондоне. Этот город стал отражать экспансию финансового сектора и сферы услуг, и ни одно крупное поселение в стране не испытало такого бурного развития в ориентированных на потребителя отраслях, связанных с заморской торговлей и правительственными расходами, как Лондон [6, р. 69-70]. Таким образом, выдвигание Лондона на роль центра страны нужно связывать, прежде всего, с плодами финансовых нововведений.

Однако дорогостоящие континентальные мероприятия, в которые втянул Англию Вильгельм Оранский, требовали больше ресурсов, чем мог обеспечить банк Англии, что заставило правительство внедрять инновационные способы привлечения денег, наиболее важным из которых стало преобразование появившегося государственного долга в акции специальных компаний без выплаты фиксированного дивиденда. При этом правительство выигрывало от выплаты более низких процентов по долгу, в обмен на то, что компания получала исключительные права на какие-либо торговые или финансовые операции [21, р. 302]. Наиболее известным примером применения такой схемы стала деятельность печально известной «Компании Южных морей».

Параллельно наблюдалась тенденция, которую также можно считать последствием Славной революции. Речь идёт о демонополизации, которая кроме чисто экономических аспектов имела политическую составляющую. В последней четверти XVII в. начинавшие своё существование группы вигов и тори разделились по проблеме легитимности пожалований королём статуса монополий. В качестве ведущей оппозиционной антимоноархической силы виги боялись экономической поддержки, которую оказывали короне монополии, что заставляло их быть противниками монополий и выдвигать тезисы о свободе торговли. Революция 1688 г. принесла их антиторийской и антимонопольной политике успех. Теперь влияние монарха на экономические дела зависело от политики лоббирования, а не прерогативы [22, р. 34-35]. В связи с тем, что в стране не существовало закона о корпорациях, компании действовали либо по королевским хартиям, либо по парламентским статутам, и после 1688 г. последние стали превалировать. Притом права, привилегии и монополии крупнейших предприятий эпохи являлись итогом политической борьбы [7, р. 137]. В перспективе это позволило открыть путь экономическому либерализму.

Касаясь последствий Славной революции, необходимо отметить, что отныне английская экономика, и прежде всего её финансовая сфера, перестала быть островной и изолированной, а на долгое время оказалась вовлечённой в общее пространство с Нидерландами. Вторжение принца Оранского в Англию в 1688 г. не было следствием только его личного решения. Оно не могло состояться без поддержки и согласия Генеральных и провинциальных штатов Республики Соединённых провинций и финансовых кругов города Амстердама. Хотя Вильгельм считался богатым человеком, его средств явно не хватило бы на все потребности предприятия. Экспедиция оказалась дорогостоящей: было вложено около 6 млн гульденов, при этом опыт предшествовавших англо-голландских войн показывал, что риски были чрезвычайно высоки [10, р. 21]. Однако конечный успех окупал затраты с лихвой, способствуя интеграции финансовых систем двух стран и сокращению бремени военных расходов Нидерландов. Для облегчения сбора денег для войны с католической Францией, Вильгельм привёз с собой в Англию многочисленных финансовых советников и военных подрядчиков из Голландии. Многие из них были евреями и гугенотами, готовыми привить отсталой Англии передовые финансовую технику и институты Амстердама [13, р. 98]. Это способствовало быстрой интеграции финансовых рынков двух стран. Новые финансовые связи потребовали централизованной банковской инфраструктуры для гарантии погашения векселей с минимальным риском. Огромную роль в этом сыграл банк Англии, ставший конкурентом появившихся ранее банков Амстердама и Гамбурга. Модернизация финансовой системы через импорт голландской техники позволила Лондону развиться в финансовый центр Европы наравне с Амстердамом [21, р. 300, 304]. И хотя краткосрочная выгода от этого досталась Нидерландам, в долгосрочном плане выиграла Англия, воспользовавшаяся готовым голландским опытом и потенциалом новых финансовых схем.

Преобразования начала 1690-х гг. также потребовали привести монетную систему в более адекватное состояние. Так как края монет постоянно срезались, а серебро переплавлялось и экспортировалось, в 1688-1700 гг. она страдала от глубокого кризиса. Цена золотых монет возросла на 40%, в то время как ценность фунта на международных биржах падала. Эти последствия стали следствием купли-продажи обменных банкнот и слитков, последовавшей за началом финансирования английского участия в Девятилетней войне. Это привело к падению доверия к денежной системе и даже угрозе торговли. Во многом именно кризис 1696 г. привёл к осознанию необходимости окончания Девятилетней войны [17, р. 473; 19, р. 142]. Для решения проблемы состоялась грандиозная денежная реформа, известная как Великая перечеканка 1696-1697 гг., а также фактическое установление золотого стандарта [6, р. 68], что нормализовало денежное обращение. Таким образом, создание стабильной денежной системы также можно занести в зачёт Славной революции.

Необходимо коснуться и социоэкономической значимости финансовой революции, которая заключалась в создании ею новых форм благосостояния через появление инвесторов, прежде всего финансистов и правительственных подрядчиков, которые поддерживали войну и быстро богатели. Революция дала рождение новому классу, названному современниками «денежными людьми», которые делали состояние не из земли или продажи товаров, а эксплуатацией кредита. Они получали деньги из денег. При этом эти люди, придерживавшиеся в основном вигской ориентации, всё чаще стали занимать финансовые посты в правительстве и оказывать серьёзное влияние на политику [5, р. 327-328].

Таким образом, после Славной революции в Англии произошли важные изменения в системе государственных финансов и кредита. Трансформация её политических и законодательных институтов, прежде всего парламента, общего права и конституции, создала предпосылки для эффективного развития рынка. Государство создало институты, которые защищали собственность и сокращали расходы на сделки. В конечном итоге эти инновации способствовали развитию заморской торговли, рынка капиталов и технологическим изобретениям [11, р. 205; 21, р. 300]. Это не было результатом заранее продуманных решений. Затраты на войну оказались чрезвычайно большими, и ответ правительства, столкнувшегося с потолком возможностей налогообложения, заключался в заимствовании денег напрямую из общества. Начавшееся в этих условиях быстрое развитие акционерного рынка и инструментов частных финансов создали источник, из которого правительство могло считывать значительные суммы. Доступ к плодам правительственного кредита был открыт более широко [4, р. 266]. Благодаря этому финансовая революция напрямую способствовала осуществлению стремления Великобритании к мировому лидерству в XVIII в. Несмотря на появление большого национального долга, чётко налаженная финансовая система позволила королевству без ограничений финансировать свои флот и армию. В результате Англия смогла принять вызов резко возросших расходов и географических расстояний новых глобальных и технологических войн, а их главные конкуренты французы – нет [11, р. 205].

В абсолютных цифрах это выразилось в следующем. Если накануне революции государственные расходы составляли около 1,8 млн ф. ст. в год и имели тенденцию к медленному росту, а долг ограничивался порядком миллиона ф. ст. (или 2-3% ВВП), то революция радикально изменила эти показатели. Уже к 1697 г. расходы возросли более чем в четыре раза, достигнув 7,9 млн ф. ст., а государственный долг за время Девятилетней войны взлетел до 17 млн ф. ст. (около 40% ВВП, что считалось фантастическим показателем). Изменились и условия кредитования, что особенно заметно в сравнении с Нидерландами. В то время как они стабильно заимствовали 5 млн ф. ст. долгосрочных денег под 4% годовых, английская корона дореволюционного периода могла занимать небольшие суммы под 6-30% годовых [15, р. 822-823; 19, р. 132]. Хотя после 1688-1689 гг. в течение ещё четырёх десятилетий проценты по займам в Англии по-прежнему оставались высокими и нестабильными, наметилась однозначная тенденция к их снижению на фоне резко возросших сумм заимствования [23, р. 906].

Утверждение нового режима потребовало равным образом финансово-экономической и политической стабильности и взаимозависимости. Созданная после Славной революции система рынков и финансов оказалась чрезвычайно чувствительной к политическим угрозам, прежде всего со стороны якобитского лагеря и сопутствующих ему сил. Достаточно проследить реакцию фондовых рынков на критические события английской истории, чтобы увидеть тесную зависимость. Неблагоприятные новости для официального режима обрушивали рынок, хорошие способствовали росту показателей [24, р. 435-439]. В этом плане финансовая революция создала все возможности для спекуляций, что могло с лёгкостью привести к кризису и нестабильности, но долговременные интересы творцов финансовой системы выражались в классической формуле: стабильные деньги и стабильное правительство работают вместе [6, р. 77]. Это позволило Англии, несмотря на целую череду войн и рост государственного долга, пользоваться гарантированной свободой кредита.

Подводя итоги статьи, необходимо отметить следующее. Хотя историки и современники отмечали рост прав подданных, закреплённый в документах Славной революции, на деле эти изменения смогли по-настоящему проявиться лишь через финансово-экономическую сферу. Именно в области кредитования государства, рост которого был вызван потребностями войны, а не заранее принятыми решениями, сказалось возросшее влияние парламента. Внедрение долгосрочного кредитования, организация банка Англии, появление и консолидация системы государственного долга, сопутствующие социально-политические преобразования – все эти мероприятия финансовой революции обеспечили быстрое внедрение конституционной практики и становление внешнеполитического могущества Англии, что в конечном итоге явилось главным долгосрочным итогом Славной революции.

Список литературы

1. Кареев Н. Две английские революции XVII в. М.: ГПИБ, 2002. 205 с.
2. Томсинов В. А. «Славная революция» 1688-1689 годов в Англии и Билль о правах: учебное пособие. М.: Зерцало, 2010. 256 с.
3. Ashworth W. J. Customs and Excise: Trade, Production and Consumption in England, 1640-1845. Oxford: Oxford University Press, 2003. 396 p.
4. Braddick M. J. State Formation in Early Modern England, c. 1550-1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 448 p.
5. Bucholz R., Key N. Early Modern England 1485-1714: a Narrative History. Chichester: John Wiley & Sons, 2009. 450 p.
6. Cain P. G., Hopkins A. G. British Imperialism, 1688-2000. L. – N. Y.: Longman, 2001. 739 p.
7. Carruthers B. G. City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1996. 304 p.
8. Clark G. N. The Later Stuarts, 1660-1714. Oxford: Clarendon Press, 1947. 461 p.
9. Clay C. Public Finance and Private Wealth. The Career of Sir Stephen Fox, 1627-1716. Oxford: Clarendon Press, 1978. 362 p.

10. **Haley K. H. P.** The Dutch, the Invasion, and the Alliance of 1689 // The Revolution of 1688-1689: Changing Perspectives / ed. by L. G. Schworer. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 21-34.
11. **Harris R.** Government and the Economy, 1688-1850 // The Cambridge Economic History of Britain since 1700 / ed. by R. Floud and P. Johnson. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Vol. I. 1700-1850. P. 204-237.
12. **Mansfield H. C., Jr.** Party Government and the Settlement of 1688 // The American Political Science Review. 1964. Vol. 58. № 4. P. 933-946.
13. **Neal L.** The Integration and Efficiency of the London and Amsterdam Stock Markets in the Eighteenth Century // The Journal of Economic History. 1987. Vol. 47. № 1. P. 97-115.
14. **Nichols G. O.** English Government Borrowing, 1660-1688 // The Journal of British Studies. 1971. Vol. 10. № 2. P. 83-104.
15. **North D. C., Weingast B. R.** Constitutions and Commitment: the Evolution of Institutional Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // The Journal of Economic History. 1989. Vol. 49. № 4. P. 803-832.
16. **Oxford Dictionary of British History** / ed. by J. Cannon. Oxford: Oxford University Press, 2009. 736 p.
17. **Quinn S.** Gold, Silver, and the Glorious Revolution: Arbitrage between Bills of Exchange and Bullion // The Economic History Review. New Series. 1996. Vol. 49. № 3. P. 473-490.
18. **Quinn S.** The Glorious Revolution's Effect on English Private Finance: a Microhistory, 1680-1705 // The Journal of Economic History. 2001. Vol. 61. № 3. P. 593-615.
19. **Rose C.** England in the 1690s. Revolution, Religion and War. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. 331 p.
20. **Rubini D.** Politics and the Battle for the Banks, 1688-1697 // The English Historical Review. 1970. Vol. 85. № 337. P. 693-714.
21. **Schubert E. S.** Innovations, Debts, and Bubbles: International Integration of Financial Markets in Western Europe, 1688-1720 // The Journal of Economic History. 1988. Vol. 48. № 2. P. 299-306.
22. **Stump W. D.** An Economic Consequence of 1688 // Albion: a Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1974. Vol. 6. № 1. P. 26-35.
23. **Sussman N., Yafeh Y.** Institutional Reforms, Financial Development and Sovereign Debt: Britain 1690-1790 // The Journal of Economic History. 2006. Vol. 66. № 4. P. 906-935.
24. **Wells J., Wills D.** Revolution, Restoration, and Debt Repudiation: the Jacobite Threat to England's Institutions and Economic Growth // The Journal of Economic History. 2000. Vol. 60. № 2. P. 418-441.

FINANCIAL-ECONOMIC CONSEQUENCES OF GLORIOUS REVOLUTION AS ITS MAIN RESULTS

Leonid Vladimirovich Sidorenko, Ph. D. in History
Department of Modern and Contemporary Time History
St. Petersburg State University
slv83@yandex.ru

The author discusses the financial-economic consequences of the British history crucial event - the Glorious Revolution, considers the main transformations of financial-economic sphere in the country (such as the redistribution of financial responsibility in favor of parliament, the formation of long-term crediting system, the organization of the Bank of England, corporate policy, relations with the Netherlands, monetary system reform) also known in the English-language historiography as financial revolution; determines the chronological frameworks of the article by the first post-revolutionary decade (1688-1698), and basing on the studied dynamics comes to the conclusion about the decisive role of the financial-economic results of the Glorious Revolution for the subsequent political and military history of England.

Key words and phrases: Glorious Revolution; financial revolution; monarchy; parliament; William of Orange; credit; national debt.

УДК 008

Культурология

Автор выдвигает теорию двух циклов ценностных систем: цикла абсолютизации и цикла деабсолютизации. Под циклом абсолютизации понимаются в основном глобальные изменения аксиосферы культуры, произошедшие в «осевое время», когда начался переход «от мифа к логосу», от политеизма к монотеизму, от национальных религий к мировым. Цикл деабсолютизации – не что иное, как секуляризация культуры, повлекшая переход от традиционных ценностей к либеральным. В результате сформулирована единая, по существу, универсалистская схема развития главных ценностных систем Евразии.

Ключевые слова и фразы: ценности; ценностные системы; структурный цикл ценностных систем; абсолютизация; деабсолютизация.

Татьяна Егоровна Сидорова

*Кафедра иностранных языков и гуманитарных дисциплин
Арктический государственный институт искусств и культуры
tatiansi1@yandex.ru*

ТЕОРИЯ СТРУКТУРНЫХ ЦИКЛОВ ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ[©]

При анализе трансформации ценностных систем необходима доля абстракции от конкретного содержания ценностей для построения идеальных моделей. Как отмечает Д. И. Дубровский, «противоположные